

Виктория Герасимова

(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия).

к.и.н., научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: gerasimova@bk.ru

ID ORCID: 0000-0002-9968-3379

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.5.5

Avrutin E. The Velizh Affair. Blood libel in a Russian Town.

Oxford University Press, 2018. 225 pp.

Выход в свет книги «Велижское дело. Кровавый навет в русском городе» известного американского исследователя Юджина Аврутина – безусловно, важное событие в мире иудаики. Из-за драматически сложившейся в советский период судьбы еврейских исследований современное состояние изучения истории евреев Российской империи таково, что нам по-прежнему приходится лишь удивляться новым и хорошо забытым старым находкам и открытиям.

В центре внимания автора оказался хорошо известный сюжет – обвинение велижских евреев в убийстве христианского мальчика в 1823 г. в городе Велиже Витебской губернии. Впервые в российской истории судебный процесс по кровавому навету длился столь долго (с 1823 по 1835 гг.) и имел большой резонанс во властных кругах. О Велижском деле знали и мэтры еврейской национальной историографии С.М. Дубнов, Ю.И. Гессен [Гессен 1905], однако их изыскания не могли продвинуться далеко в отсутствие материалов дела. Собственно с рассказа о том, как С.М. Дубнов бережно, по крупицам, собирал свидетельства и документы об этом сюжете в предреволюционном Петрограде, и начинается книга. При этом источниковой базе, собранной самим доктором Аврутиным, может позавидовать любой историк: только в одном деле из Российского государственного исторического архива, посвященном велижскому судебному процессу, насчитывается 25 томов, а к ним 13 томов дела из Национального исторического архива Республики Беларусь, и это не считая других привлеченных документов. Собранный автором богатейший материал лег в основу масштабного и глубокого исследования механики кровавого навета в отдельно взятом среднестатистическом городе на западе Российской империи. Во введении автор

задает главный вопрос: «Почему вообще христиане верили в справедливость обвинений в том, что евреи используют кровь христиан?».

В качестве методологического инструмента Ю. Аврутин выбирает микроисторический подход, не называя его таковым, а описывая ту оптику, которую планируется применить в исследовании: «Эти документы позволяют нам исследовать социальные и культурные миры мультиэтничного населения, сосуществовавшего на протяжении веков. Эта исключительная коллекция [источников] дает нам возможность взглянуть на жизнь маленького городка в Восточной Европе: подслушать общающихся друг с другом людей на пыльных улицах, в их жилищах, в корчмах, получить сведения о их внешнем виде, одежде, которую они носили, пище, которую употребляли, а кроме того, узнать кое-что об их темных фантазиях, страхах и предрассудках, редко находящих отражение в исторических документах» (С. 12)¹.

Книга состоит из семи глав, каждая из которых имеет собственную «перспективу»: автор перемещается с микро- на макроуровень, предоставляя читателю возможность познакомиться не только с самим сюжетом, но и с его историческим контекстом. Приведу пример: первая глава «Федор отправляется на прогулку» представляет собой подробное изложение обстоятельств, послуживших причиной возбуждения дела против велижских евреев, за детальным фактологическим нарративом во второй главе следует погружение читателя в жизненный мир провинциального восточноевропейского города, а третья глава снова погружает читателя в материалы дела. В соответствующих главах Ю. Аврутин подробно анализирует конфликты между участниками дела, материалы очных ставок, многочисленные прошения фигурантов, ход следствия и позиции представителей власти. Обильно цитируя источники, автор вовсе не ограничивается ими и дает читателю внутри глав краткие экскурсы в базовые проблемы, отразившиеся в источниках: проблема детской смертности и медицинского обслуживания в Российской империи, практика найма прислуги из христиан у еврейских хозяев, еврейское представительство перед высшей имперской властью и т.д.

Книга явно рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего американских. Для российского читателя весьма забавно встретить в тексте неожиданное сравнение территории, инкорпорированной Российской империей в результате раздела Речи Посполитой в 1772 г., с американским штатом Кентукки (С. 33). Особого внимания заслуживает попытка автора физически погрузить своего читателя в место действия: Аврутин представляет подробные планы Велижа, иллюстрации и фотографии. Тем более что есть что показать: например, дом одного из основных обвиняемых Аронсона до сих пор сохранился в Велиже, в настоящее время в нем располагается музей. Вообще складывается ощущение, что предполагаемая аудитория и само происхождение автора во многом определили «позицию

¹ Здесь и далее перевод мой. – В.Г.

обзора» в исследовании. Удельный вес зарубежных работ, цитируемых в книге, значительно превышает список оных на русском языке. Автор объясняет факт распространения кровавого навета в Велиже популярностью в обществе магических практик, «космологией времени» (С. 30) и вписывает этот феномен, вслед за многими другими западными исследователями, в западноевропейскую практику охоты на ведьм. Различные социальные фобии, по мнению Аврутина, находят свои параллели в европейской истории. Например, нарастание истерии вокруг кровавого навета в Велиже он сравнивает с распространением слухов об отравлении евреями колодцев, убийстве младенцев и пр. на швабско-франконском пограничье (С. 131).

Главного недостатка, от которого страдают обычно российские исследования, книга Ю. Аврутина явно лишена. На протяжении всей работы автор пытается вписать анализируемые на микроуровне события в макроконтекст. С одной стороны, это именно то, что делают историки, избирая методологию подобного рода, однако при этом в погоне за макроуровнем промежуточные этапы несколько теряются. Возможно, в случае с книгой Аврутина это связано, прежде всего, с перевесом в пользу зарубежной исследовательской литературы. Так, автор, может быть, и не без основания, говорит о Дамасском деле (1840), деле Дрейфуса (1896–1906) и деле Бейлиса (1913) как продолжении единой «традиции» кровавого навета во взаимоотношениях христиан и евреев (С. 158). Однако о самом, пожалуй, резонансном и в большей степени испытавшем влияние Велижского дела процессе – о Саратовском деле – автор почему-то не упоминает ни разу. Возможно, это связано с тем, что ему недостаточно внимания уделили историки-классики (С. Дубнов и Ю. Гессен) и современные авторитетные исследователи (Дж. Клиер), зато подробно его разбирал малоизвестный саратовский историк (впрочем, его статьи легко находятся в любой русскоязычной электронной базе научных изданий) В. Хасин [Хасин 2008; 2010; 2012] и определенно известный доктору Аврутину Э. Рид [Reed 2017]. По мнению Ю. Аврутина, кровавые наветы и судебные процессы, подобные велижскому, теряли свою актуальность в связи с введением медицинской экспертизы, переориентации судебных процессов с инквизиционных дел на рациональную доказательную базу (провал обвинения в Гродно и Тельшах).

Однако уже в 1852 г. в Саратове, с ничтожным по численности еврейским населением, разгорается один из самых громких в истории Российской империи судебных процессов по обвинению евреев в использовании крови христиан. Как и в случае с Велижским делом, Саратовское рассматривалось не только на губернском уровне, его обсуждение было вынесено на уровень Сената и Государственного совета, была также организована особая комиссия по экспертизе письменных источников, в которой приняли участие украинский историк Н. Костомаров и профессор-гебраист Д. Хвольсон. В этом контексте Велижское дело становится первым, но далеко

не единственным крупным, проходившем на государственном уровне, судебным разбирательством по обвинению евреев в ритуальных убийствах в Российской империи. Интересно было бы сравнить ход следствия в обоих делах: стратегии поведения обвинителей и обвиняемых, социокультурный контекст возникновения и распространения мифа. Следователь Страхов, работавший по Велижскому делу, утверждал, что кровавый навет появлялся всюду, где были евреи (С. 137), Саратов находился достаточно далеко от черты оседлости, и еврейское население в городе было ничтожно, что не помешало распространению навета. Вообще сравнительный анализ сюжетов о кровавом навете в российском имперском контексте представляется крайне перспективным направлением исследования.

Проблема распространения идеи кровавого навета как проявления «химерического антисемитизма» в православных обществах христианской Европы, как отмечает М. Дмитриев, по-прежнему находится в стадии разработки [Дмитриев 2011]. Мы знаем меньше, чем хотелось бы, о механизмах распространения кровавого навета в мультиэтнических и многоконфессиональных сообществах на территории бывшей Речи Посполитой, еще меньше мы знаем о том, чем, например, отличались (и отличались ли) они у православных и греко-католиков. Ю. Аврутин указывает на самую полиэтничную природу велижского населения, но не анализирует глубоко возможные различия в рецепции кровавого навета представителями разных конфессиональных групп. Проследить механизм передачи подобного рода представлений действительно крайне сложно, это нечто такое, что, по выражению автора, «витает в воздухе». Однако одна повторяющаяся деталь определенно заслуживает внимания.

Аврутин, помимо основных свидетелей и обвинительницы М. Терентьевой, упоминает как минимум о двух любопытных источниках распространения в Велиже слухов об употреблении евреями христианской крови. Исходили это слухи от сапожника Ф. Азаркевича (С. 83–84) и школьного учителя Петрищи (С. 103). Оба они разгуливали по городу с какими-то книгами и вещали об ужасных злодеяниях иудеев. Разумеется, выяснить, что это за книги, исследователю не под силу, а вот определить возможный круг наветной литературы и круг чтения таких горожан – задача выполнимая. Однако автор, к сожалению, оставляет эти детали без внимания.

В заключительной седьмой главе «Границы законности» автор упоминает два письменных источника о кровавом навете – «Злость жидовскую» Каетана Солтыка, которую использовал главный следователь Страхов для доказательства виновности велижских евреев², а также сочинение монаха Неофита «Тайна...», которое прямо к делу не относится, но, возможно, действительно уже получило к тому моменту распространение в России.

² Имеется в виду Sołtyk K. Złość żydowska w zamęczeniu dzieci katolickich przez list następujący u dekreta grodzkie wydana. Lublin, 1761.

Кроме того, автор приводит эпизод с крещеным евреем Антонием Викентием Грудинским, сославшимся на работы Маймонида, якобы подтверждавшие возможность употребления евреями крови. Однако далее Аврутин, перечислив несколько публикаций о кровавом навете, переходит к биографии самого Маймонида, что, очевидно, продиктовано спецификой аудитории, для которой написана книга. На этом обсуждение наветной литературы завершается. В контексте этого исследования книги подобного рода воспринимаются как способ следствия доказать вину евреев, а не как источник распространения представления о навете в обществе. Между тем круг публикаций, в которых проводится идея об употреблении евреями крови христиан, в исследуемый период был более разнообразен. Не вдаваясь в рамках настоящей рецензии в подробный разбор текстов, назову лишь один источник, вышедший в разное время на польском и русском языках в Санкт-Петербурге (1787), Могилеве (1794?) и Смоленске (1800) – «Бредни Талмудовы» [Бредни 1758]. Интересно, что в разгар Велижского дела в 1828 г. в Санкт-Петербурге была предпринята попытка публикации «Обрядов жидовских» (версия «Бредней») без цензуры, но издание было изъято и сожжено. А в 1836 г. после завершения Велижского дела Московский цензурный комитет вновь запретил печатать эту брошюру [Бурмистров 2004; Эльяшевич 1999, 66, 161–162]. Вполне возможно, что именно этот текст стал одним из источников распространения слухов о виновности евреев в Велиже.

Высказанные замечания и комментарии, сделанные выше, тем не менее ни в коей мере не снижают ценности чрезвычайно интересной книги Ю. Аврутина, а методологический подход, избранный автором, представляется весьма перспективным в изучении истории евреев в Российской империи.

Литература

- Бредни 1758 – Басни Талмудовы, узнанные от самих евреев и явленные новой сектой сяпвсечухов, или анти-талмудистов // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2004. С. 373–440.
- Бурмистров 2004 – Бурмистров К. «Басни Талмудовы, от самих жидов узнанные»: к генеалогии юдофобских настроений в России конца XVIII – начала XIX в. // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2004. С. 362–372.
- Гессен 1905 – Гессен Ю. Из истории ритуальных процессов. Велижская драма. СПб., 1905.
- Дмитриев 2011 – Дмитриев М.В. Антииудаизм и антисемитизм в православных культурах Средних веков и раннего Нового времени

- (обзор исследований) / Ред. М.В. Дмитриев // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 10–47.
- Хасин 2008 – *Хасин В.В.* Роль текстов свидетельских показаний в формировании сценариев «ритуальных» процессов в Российской империи в XIX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2008. Т. 8. № 2. С. 103–110.
- Хасин 2010 – *Хасин В.В.* Интеграция «ритуальных» мифологем в общественную ментальность и историческую память российского социума в XIX–XX веках // История и историческая память. 2010. № 1. С. 75–91.
- Хасин 2012 – *Хасин В.В.* «Саратовское дело» Г.Г. Замысловского через призму общественных отношений начала XX века. Право и нравы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. № 1. С. 22–31.
- Эльяшевич 1999 – *Эльяшевич Д.А.* Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917. Очерки истории цензуры. СПб., 1999.
- Reed 2017 – *Reed A.* The Saratov Case as Critical Juncture in Ritual Murder History // *Ritual Murder in Russia, Eastern Europe and Beyond. New Histories of an Old Accusation* / Ed. by Eugene Avrutin, Jonathan Dekel-Chen and Robert Weinberg. Bloomington; Indianapolis: Indiana university press, 2017. P. 73–94.

Victoria Gerasimova (Omsk, Russia)
PhD, Researcher, Dostoevsky Omsk State University
E-mail: gerasimova@bk.ru
ID ORCID: 0000-0002-9968-3379

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.5.5

References

- Avrutin E. The Velizh Affair. Blood libel in a Russian Town. New York, 2018.
- Burmistrov K. “Basni Talmudovy, ot samikh zhidov uznannye”: k genealogii iudofobskikh nastroyenii v Rossii kontsa XVIII – nachala XIX v. // Prazdnik – obriad – ritual v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii. Moscow, 2004. P. 362–372.
- Dmitriev M.V. Antiudaizm i antisemitizm v pravoslavnykh kul'turakh Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni (obzor issledovaniy) / Ed. by M.V. Dmitriev // *Evrei i khristiane v pravoslavnykh obshchestvakh Vostochnoi Evropy*. Moscow, 2011. P. 10–47.

- Elyashevich D.A. *Pravitel'stvennaia politika i evreiskaia pechat' v Rossii, 1797–1917. Ocherki istorii tsenzury*. St. Petersburg, 1999.
- Khasin V.V. Integratsiia “ritual'nykh” mifologem v obshchestvennuu mental'nost' i istoricheskuiu pamiat' rossiiskogo sotsiума v XIX–XX vekakh // *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*. 2010. No. 1. P. 75–91.
- Khasin V.V. Rol' tekstov svidetel'skikh pokazanii v formirovanii stsenariiev «ritual'nykh» protsessov v Rossiiskoi imperii v XIX veke // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2008. Vol. 8. No. 2. P. 103–110.
- Khasin V.V. “Saratovskoe delo” G.G. Zamyslovskogo cherez prizmu obshchestvennykh otnoshenii nachala XX veka. Pravo i nruvy // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2012. Vol. 12. No. 1. P. 22–31.
- Reed A. The Saratov Case as Critical Juncture in Ritual Murder History // *Ritual Murder in Russia, Eastern Europe and Beyond. New Histories of an Old Accusation* / Ed. by E. Avrutin, J. Dekel-Chen, R. Weinberg. Bloomington; Indianapolis, 2017. P. 73–94.